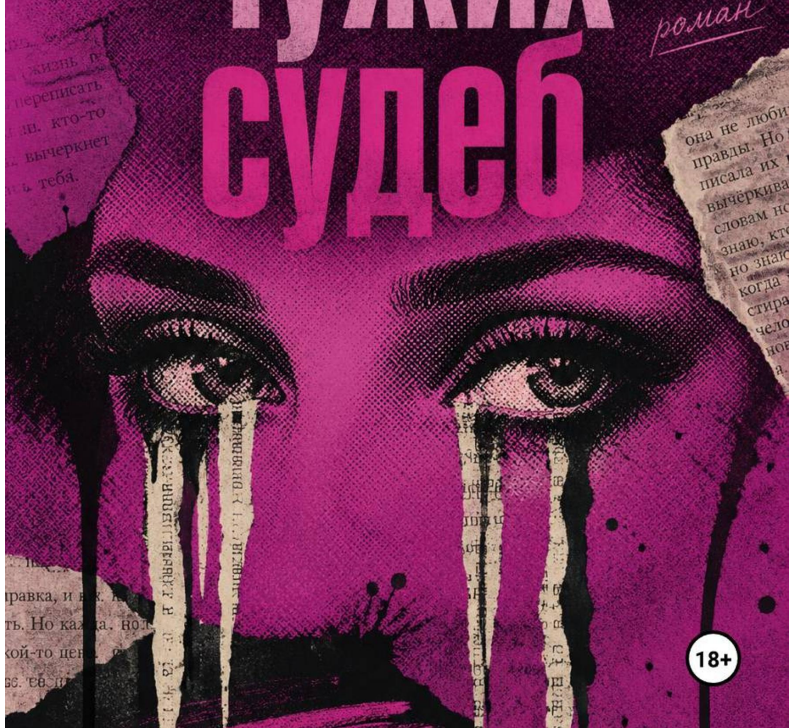

АЛЕКСЕЙ КОРНЕЛЮК

Редактор чужих судеб

роман

18+

Алексей Корнелюк
Редактор чужих судеб
Серия «Лекарства для души», книга 2

<https://litres.ru/74120696>

SelfPub; 2026

Аннотация

После смерти Веры Самойловой, легендарной редакторши маленького издательства, Илья Ладогин получает задание разобрать её архив. Среди пыльных рукописей и авторских экземпляров он находит коробку с семью книгами, которые Вера так и не передала адресатам. В каждой — спрятанная правда: письмо, признание, фотография, вырезанная страница, чужая вина, чужое спасение, чужая сломанная жизнь.

Вера всю жизнь правила тексты. Но однажды решила, что имеет право править и судьбы людей: задерживать письма, прятать признания, спасать одних от боли и лишать других выбора. Разбирая семь историй, Илья всё глубже понимает: мёртвая женщина оставила после себя не архив, а минное поле. Последняя книга оказывается связана с его собственной семьёй — и доказывает, что иногда чужое молчание становится твоей биографией.

Алексей Корнелюк
Редактор чужих судеб

Редактор чужих судеб

В квартире умершей Веры Самойловой пахло так, будто здесь не человек кончился, а целая библиотека решила тихо сгнить изнутри. Не трагически, не красиво, не как в фильмах, где на подоконнике стоит чашка с недопитым чаем и занавеска шевелится от последнего вздоха. Тут всё было проще и хуже: пыль, старые лекарства, кошачий корм без кошки, бумага, давно переставшая быть бумагой и начавшая быть кожей чужой жизни. Илья Ладогин стоял в прихожей, держал в одной руке чёрную папку для описи, в другой — пакет с бахилами, и думал, что смерть всегда устраивает после себя бардак, а люди почему-то продолжают называть это памятью.

Ключ ему выдала женщина из юридической конторы. Молодая, тугая, с лицом человека, который ещё верит в электронный документооборот и в то, что чужие наследства можно разложить по папкам. Она сказала: «Там аккуратно». Илья чуть не рассмеялся, но сдержался, потому что смеяться при таких женщинах было всё равно что курить в нотариате: вроде не преступление, но тебя сразу записывали в моральные бомжи. Аккуратно у покойников не бывает. Бывает только отложенный хаос. Чем дольше человек жил, тем наглее хаос. Вера Самойлова прожила восемьдесят один год и, судя по квартире, все эти годы складывала вокруг себя бумажные баррикады на случай, если за ней придут живые.

Прихожая была узкая, как горло у человека, который собирается сказать правду и передумал. Слева висело пальто. Не парадное, не старушечье, а тяжёлое тёмное пальто с мужским воротником, будто Вера Самойлова в последние годы одевалась не для улицы, а для внутренней эмиграции. На полке стояли три пары обуви: старые ботинки, мягкие тапки и лакированные туфли, в которых, наверное, её когда-то хоронили бы на людях, если бы не здравый смысл и не крематорий. На стене возле зеркала висела записка: «Не забыть позвонить М.» Буква была выведена резко, почти зло, как ножом по маслу. Илья посмотрел на неё и по привычке подумал: личное — в отдельную коробку, письма — в архив, бытовое — наследникам, мусор — на вывоз. Так он и жил последние семь лет: делил чужие смерти на категории.

Он был оценщиком книжных архивов. Звучало это прилично, почти интеллектуально, если произносить в хорошей рубашке и не объяснять подробностей. На деле он приезжал в квартиры после умерших профессоров, редакторов, переводчиков, коллекционеров и прочих людей, которые при жизни верили, что их книги кому-то нужны, а после смерти выяснялось, что нужны три прижизненных издания, две подписные дарственные и, возможно, письма, если автор был достаточно мёртв и достаточно знаменит. Всё остальное уходило в коробки, на склад, в букинистические подвалы, на дачи, в мусорные контейнеры, а иногда к племянникам, которые спрашивали: «А это реально можно продать?» Илья

отвечал: «Реально можно всё. Вопрос — за сколько и кому потом будет стыдно».

Ему было тридцать восемь, но в зеркале Веры Самойловой он выглядел старше: не из-за морщин, а из-за выражения лица. У него было лицо человека, который давно перестал удивляться, но всё ещё почему-то ездит по адресам. Тёмные волосы, щетина, глаза после трёх кофе и одного плохого сна. Нос чуть кривоватый — подарок детства и подъездной драки, о которой он помнил только мокрый снег, железный привкус и мать, которая сказала не «кто тебя ударил?», а «зачем ты туда полез?». С тех пор Илья не лез. Почти никогда. Он научился быть полезным на безопасном расстоянии: оценить, описать, упаковать, передать. Не задавать лишних вопросов. Не касаться того, что не включено в договор.

Квартира Веры была на четвёртом этаже старого дома возле Чистых прудов, в переулке, где кофейни притворялись европейскими, а стены всё равно пахли московской сыростью, кошачьей мочой и бывшей интеллигенцией. Дом скрипел даже без ветра. Лифт был такой маленький, что в нём мог поместиться только один человек и его сожаления. Илья поднялся пешком, потому что лифты в таких домах всегда казались ему способом умереть глупее, чем планировал.

В комнате за прихожей начинался лес. Не книжные полки — именно лес. Стеллажи стояли вдоль стен, поперёк стен, в простенках, между окнами, вокруг дивана, над диваном, рядом с креслом, даже под старым обеденным столом. Кни-

ги лежали горизонтально, вертикально, косо, пачками, гнёздами, завалами. Между ними торчали папки с рукописями, конверты, журналы, гранки, фотографии, вырезки, блокноты, чьи-то машинописные страницы с красными редакторскими пометками. На одной стопке сверху лежал засохший лимон. На другой — пузырёк валокордина. На третьей — очки в толстой оправе, одна дужка перемотана изолентой. Илья всегда любил такие детали, потому что они честнее некрологов. Некролог говорил: «выдающийся редактор, наставник нескольких поколений». Очки с изолентой говорили: «в конце месяца было лень чинить или некому попросить».

Он снял куртку, повесил на спинку стула, достал телефон и сфотографировал общий вид комнаты. Потом ещё прихожую, коридор, кухню, рабочий стол. Так требовала процедура: до начала описи зафиксировать состояние архива. Состояние архива было такое, будто архив сопротивлялся. На письменном столе у окна лежали четыре карандаша, заточенные до болезненной остроты. Рядом — толстая лупа, чашка с коричневым налётом, раскрытый ежедневник, нож для бумаги, похожий на маленькое оружие для культурных людей, и фотография в рамке: молодая Вера Самойлова, худая, коротко стриженная, с сигаретой между пальцами, рядом двое мужчин, один смеётся, другой смотрит в сторону. У Веры на фото был взгляд человека, который уже тогда знал, что смеющийся будет жалеть, а молчащий — врать.

Илья взял фотографию, перевернул. На обороте было на-

писано: «1979. До того, как мы стали приличными». Подписи не было. Он положил рамку обратно и сделал отметку: фото, личное, требуется отдельное согласование.

На кухне обнаружился холодильник, который ещё работал, хотя делать ему было решительно нечего. Внутри стояли банка горчицы, половина пачки масла, три яйца, бутылка минералки и контейнер с чем-то серым, что, возможно, когда-то было гречкой, а потом передумало. На дверце магнитом была прикреплена газетная вырезка: интервью с Верой Самойловой пятнадцатилетней давности. Заголовок: «Редактор должен уметь спасти автора от самого себя». Илья хмыкнул. Авторы обычно хотели, чтобы их спасали от издателей, жён, налоговой, читателей и собственного таланта, желательно в таком порядке. От себя их спасти было поздно — себя они приносили уже в рукописи, измазанного, обиженного, пахнущего кухонной философией.

Он вернулся в комнату и начал с верхних полок. Работал механически, быстро. Прижизненные издания — отдельно. Подписанные экземпляры — отдельно. Переводы с дарственными надписями — отдельно. Рукописи — в серые архивные папки. Бумаги без даты — в пластиковый бокс. Его рука двигалась уверенно. Он умел вынимать книгу так, чтобы не обрушить соседнюю стопку, умел по корешку определить примерную ценность, умел не читать письма сразу, даже если глаз цеплялся за фразу вроде «я не сказала ему, потому что ты просила». Особенно если цеплялся. Такие фра-

зы потом лезли под кожу и мешали спать, а спать Илья и так умел плохо.

Через час позвонила мать. Телефон завибрировал на столе, двигаясь по старому дереву, как маленький раздражённый жук. На экране высветилось: «Мама». Илья посмотрел, подождал два гудка, сбросил. Почти сразу пришло сообщение: «Ты где?» Потом второе: «Я спрашиваю не из контроля». Это было любимое материнское искусство — делать контроль похожим на заботу, а заботу на допрос в мягких тапочках. Илья набрал: «На работе. Позже». Она ответила: «Опять по мёртвым?» Он не стал писать, что да, по живым хуже платят.

Ещё через двадцать минут в дверь позвонили. Звонок был короткий, требовательный, не соседский. Илья открыл не сразу. В таких квартирах всегда кто-то приходил: соседка за сахаром, племянник за иконой, бывшая ученица за “одним письмом, оно совершенно личное”, человек из фонда за “материалами культурной значимости”, а иногда просто старый мужчина, который стоял в прихожей и спрашивал, не осталось ли тут случайно его молодости. На площадке стояла невысокая женщина лет шестидесяти в пуховике и с пакетом из аптеки. Волосы крашеные, взгляд живой, губы поджаты так, будто жизнь недосолили.

— Вы кто? — спросила она.

— Ладогин. Архив разбираю.

— А-а. Значит, тот самый, который будет решать, что у

Веры мусор.

— Не решать. Описывать.

— Это одно и то же, только с образованием.

Она не ждала приглашения и шагнула внутрь, оставив за собой запах улицы, дешёвых лекарств и чего-то яблочного. Илья не стал останавливать. Соседки покойников — отдельная порода свидетелей. Они знали, кто приходил, кто не приходил, кто приносил пироги, кто уносил книги, кто плакал неправильно. Полезнее камер наблюдения, вреднее родственников.

— Я Нина Павловна, — сказала она. — Снизу. Третий этаж. Веру Степановну сорок лет знала. Вы осторожнее с бумагами. Она не любила, когда чужие руки там, где чужим рукам делать нечего.

— Она умерла, Нина Павловна.

— Вот именно. Теперь сама встать и дать по рукам не сможет.

Илья закрыл дверь.

— Вам что-то нужно?

— Ключи от почтового ящика. И посмотреть, не оставила ли она мне книгу.

— Какую?

Нина Павловна пожала плечами, но слишком быстро.

— Да так. Она говорила: «Потом отдам». Всё потом да потом. Дождалась своего потом.

— Название помните?

— У неё разве названия были? У неё всё было: «тебе рано», «тебе поздно», «тебе это ни к чему», «ты всё равно поймёшь не так». Названий она не любила. Людей тоже. Хотя делала вид, что наоборот.

Илья впервые за утро перестал переключивать книги внутренне. Женщина говорила раздражённо, но без ненависти. Скорее так говорят о человеке, который сто раз обидел и сто один раз спас, и теперь непонятно, что предъявлять гробу.

— Она вам что-то обещала?

— Вера никому ничего не обещала. Она назначала. Это разные вещи.

— Назначала?

— Ну да. Кому читать, кому не читать. С кем мириться, с кем нет. Когда говорить, когда молчать. У неё на всё была правка. Человек к ней приходит живой, а уходит как рукопись после редактора: вроде лучше, а чего-то важного уже нет.

Нина Павловна прошла к столу и посмотрела на разложенные папки. Не трогала, но глаза бегали быстро.

— Где она умерла? — спросил Илья.

— В больнице. Сердце. Хотя у Веры это место было больше похоже на служебный кабинет. Работало по расписанию, посетителей не принимало.

— Вы были близки?

— Близки? — Нина Павловна фыркнула. — С Верой нельзя было быть близко. Она сразу начинала тебя редакци-

ровать. Я ей как-то сказала: Вера, ты не редактор, ты санитар с красным карандашом. Она три дня со мной не здоровалась. Потом принесла мандарины. Без извинений, конечно. Мандарины у неё были вместо извинений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.